

PHILOLOGY AND LINGUISTICS

Meshadiyeva A.E.

ON COMPARATIVE ANALYSIS OF THE ADVERBIAL PARTICIPLE FORM ENDING IN -GACH/-GECH IN THE TURKIC LANGUAGES

Meshadiyeva Aynel Enver kyzy – Azerbaijan National
Academy of Sciences, Baku, PhD in linguistics, Associate
Professor, Azerbaijan

Abstract

The article is devoted to the comparative analysis of adverbial participle form ending in *-gach/-gech* on the material of the Turkic languages, its dialects and sub-dialects. The analysis allows us to demonstrate the different phonetic variants, similar and differential features of this adverbial participle form and peculiarities of its usage. The main conclusion on the results of the study lies in the fact that the area of adverbial participle form ending in *-gach/-gech* is mostly limited to Kipchak, Karluk and Uighur-Oghuz groups of Turkic languages. This adverbial participle form in Turkic languages of Oghuz group is not found. The obtained results can apply in description of the morphology of the Turkic languages, in the preparation of textbooks and manuals on the subject.

Keywords: Adverbial participle ending in *-gach/-gech*, Turkic languages, Kipchak, Uighur-Oghuz, Karluk, Oghuz, comparative analysis.

**2nd the International scientific-practical conference
«Innovation in science, technology
and the integration of knowledge» 2015**

В тюркских языках деепричастие представляет собой важнейшую грамматическую категорию. Деепричастные формы в тюркских языках главным образом, выражают дополнительное, зависимое действие, характеризующее обстоятельственный признак главного действия, и обозначают действие, одновременное, последующее или предшествующее с действием главного глагола – сказуемого.

Отличительной особенностью деепричастий в тюркских языках является то, что они образуют аналитические формы глагольного вида в сочетании с другими глаголами или вспомогательными глаголами, принимают участие в создании аналитических глаголов, выражающих различные оттенки модальности действия, а также являются средством связи придаточных предложений в составе сложных предложений.

В тюркских языках система деепричастных форм характеризуется общими признаками, вместе с тем каждая из них имеет свои особенности. Исследования тюркологов Б. А. Серебрянникова, Н. З. Гаджиева [1], Д. Г.Тумашевой [2], Ф. Хисамовой [3], Ф. Ю. Юсупова [4], В.Г. Алиева [5], А.Э. Мешадиевой [6, 7] и др. позволяют глубже понять природу деепричастий как важнейшей грамматической категории в системе тюркских глагольных форм.

В настоящей статье мы проведем сравнительный анализ деепричастной формы на *-gac/-gec* в тюркских языках, в их диалектах и говорах.

Деепричастная форма на *-gac/-gec* встречается в татарском, башкирском, узбекском, уйгурском, тувинском, крымскотатарском, караимском, сарыуйгурском языках. В языке орхоненисейских памятников эта форма не зарегистрирована.

Некоторые языковеды склоняются к мнению, что деепричастная форма на *-gac/-gec* имеет позднее происхождение.

Как отмечает Л.М.Хасанова: «В языке орхоненисейских памятников она не встречается. Что может свидетельствовать об относительно позднем ее возникновении» [8, с.8].

В тюркологии существуют различные мнения по поводу этимологии исследуемого аффикса.

Г.И. Рамстедт сопоставлял форму на *-gac/-gec* с деепричастным аффиксом прошедшего времени *-gad* в монгольском языке и рассматривал его в качестве сложного аффикса, состоящего из двух элементов [9].

**2nd the International scientific-practical conference
«Innovation in science, technology
and the integration of knowledge» 2015**

По мнению А.Н. Кононова аффикс *гач/-геч* образовался из аффикса *-уан*, к которому присоединилось слово *џаг* – *время* [10, с. 148].

Деепричастная форма на *-гач/-геч* в татарском языке в отличие от других деепричастий образуется от любой глагольной основы. Эта форма в татарском языке передает значение действия, непосредственно предшествующего действию другого глагола. Деепричастие на *-гач/-геч* принимает усилительную частицу *-та/тэ, да/дэ*, которая придает данной форме значение не- посредственного предшествования другому действию.

Рассмотрим примеры: *күргәч әйтү- увидев, сказать; әйткәч тә анлау – понять сразу, как было сказано* и т.д. [11, с.229].

В татарском языке рассматриваемая деепричастная форма выражает также причинно-следственные отношения(1) и условия для выполнения другого действия(2): *Газизә ана, чыгып, Габдулланы дәште. Жавап булмагач, ул да аны эзли башлады – Газиза ана вышла и позвала Габдуллу. Не получив, ответа, она пошла его искать(1); Эшләгәч, намус белән эшләргә кирәк, дип кырт кисә(2) – Если работаешь, нужно работать по совести, - говорит он резко* [11, с. 229-230].

Отрицательный аспект формы на *-гач/-геч* в татарском языке образуется посредством отрицательного аффикса на *-ма/мә: эшләгәч – эшләмәгәч- работаю – не работаю*.

В некоторых диалектах татарского языка деепричастие на *-гач/-геч* принимает аффиксы исходного падежа *-тан/-тән, -тын/-тен, -нан/-нән* и частицу *-ук/-үк*.

К примеру, в мишарском диалекте татарского языка рассматриваемая деепричастная форма, в отличие от татарского литературного языка, сочетается с аффиксами исходного падежа и частицей *-ук/-үк*. *Карабодай элгергәүтән, бал булырга тийеш – Мед должен появиться, когда поспеет гречиха* и т.д. [12, с. 184].

Деепричастие на *-гач/-геч* в указанном диалекте татарского языка, сочетаясь с частицей *-ук/-үк*, передает значение местонахождения предмета: *Бер күпер цыккаң ук безнен ызба – Как только пройдешь мост, (будет) наш дом* и т.д. [там же, с.184].

Обращает на себя внимание, тот факт, что в диалектах татарского языка отрицательный аспект деепричастной формы

**2nd the International scientific-practical conference
«Innovation in science, technology
and the integration of knowledge» 2015**

на *-гач/-геч*, при выражении ею значения времени или условия выполнения действия, образуется посредством аффикса *-мый/-мий, -мыйча/-мичә*.

В языке сибирских татар исследуемая деепричастная форма встречается редко и выступает в фонетических вариантах *-гац/гәц, -кац/-кәц*. Это деепричастие в языке сибирских татар иногда выступает в фонетическом варианте *-гацын, -гасын*.

Рассмотрим примеры: *Кейәү гәл, көн тугац цәцәги го-йылып төшәти* – Жених-цветок, когда наступает день, его цветы осыпаются; *Койаиш цыккасын та торатык* – Как только восходит солнце, мы встаем [13, с. 85].

Как видно из примеров, данная деепричастная форма в языке сибирских татар, подобно другим тюркским языкам, обозначает действие, предшествующее основному действию.

Деепричастие на *-гач/-геч* в уйгурском языке, подобно татарскому языку выражает действие, предшествующее другому действию: *Шәхәргә кайткач көрдүм* – Я увидел это после того, как вернулся в город [14, с. 90].

Отметим, что в современном уйгурском языке исследуемая форма употребляется в составе некоторых сложных глаголов. Например: *алгач кәлдим- я принес* и т.д. [там же, с. 90].

В языке желтых уйгуров деепричастие на *-гач/-гәч* выступает в фонетическом варианте *-баш/-геш, каш/-кеш – йагмыр йаккаш* – как только полил дождь [15, с. 34].

Форма на *-гач/-геч* в узбекском языке выступает в функции сказуемого в придаточных времени: *Кампир йиглаб юборгач, Асраркулнинг аччиги келди* – Когда старуха заплакала, Асраркул рассердился [16, с. 23].

В староузбекском языке также встречается данное деепричастие – *аны көргәч – увидев его* и т.д. [17, с.31].

В отличие от современного узбекского языка, в староузбекском языке форма на *-гач/-геч* в основном употреблялась в придаточных причины.

Деепричастная форма на *-кас/-кәс, -гас/-гәс* широко распространена в современном башкирском языке и образуется от любой глагольной основы. Данная форма в основном обозначает относительное время. Деепричастие на *кас/-кәс, -гас/-гәс* в башкирском языке выражает предшествование как условие, при котором совершается последующее действие.

**2nd the International scientific-practical conference
«Innovation in science, technology
and the integration of knowledge» 2015**

Рассматриваемая деепричастная форма, выражая предшествование, нередко сочетается с усилительной частицей *та/тэ* или *гына/генэ* (ограничительной).

В отрицательной форме это деепричастие выражает причинно-следственную обусловленность предыдущего или последующего действий.

Рассмотрим пример: *Үз күззәрем менән күрмәгәс, ныкышманым – Раз не видел собственными глазами, не стал настаивать* [18, с.12].

Известно, деепричастные формы в башкирском языке не принимают аффиксы числа, лица, времени. В отличие от современного башкирского языка, в восточном диалекте данного языка деепричастие на *-кас/-кәс, -гас/-гәс*, как в положительной, так и в отрицательной формах, сочетается с аффиксами лица и числа: *алгасым- я получив, алгастары- они получив* и т.д.

В этой связи, примечательно мнение Н.Х. Максютовой: «Данная особенность возводится к древнейшей форме племенного языка тамьян и кыпчаков» [19, с. 279].

В современном караимском языке исследуемая деепричастная форма наблюдается в фонетическом варианте *-гъачох, -гячох, -качох, -кячох* и также выражает действие, предшествующее действию основного глагола: *чыккачох- как только вышел, эшиткячох- как только услышал* [20, с. 61].

В чулымско-тюркском языке форма на *-гач/-геч* употребляется лишь в значении условия совершения действия основного глагола: *Мене алгач алгыл тайга – Если меня берете, то бери- те в тайгу* [21, с. 92].

В тофаларском языке форма на *-гач/-геч* выступает в фонетическом варианте *-каш/-гаиш*. Подобно другим тюркским языкам это деепричастие также обозначает действие, непосредственно предшествующее действию основного глагола. Например: *Он келгеш соодады – он пришел и рассказал* [22, с. 178].

Отрицательная форма деепричастия на *-каш/-гаиш* в тофаларском языке образуется при помощи аффикса *-нааш/-пәәш, -бааш/-бәәш, -вааш/-вәәш*: *аннавааш - не охотившись, гелбәәш – не придя* и т.д. [23, с.144].

В якутском языке деепричастной форме на *-гач/-геч* соответствует деепричастие на *-аат*.

**2nd the International scientific-practical conference
«Innovation in science, technology
and the integration of knowledge» 2015**

Одни ученые разделяют мнение о монгольском происхождении якутского деепричастия на *-aam*, другие же связывают его с тюркским деепричастным аффиксом *-gach/-gеч*.

За монгольское происхождение деепричастного аффикса *-aam* высказались Н.П.Поппе, В.Л.Котвич и др. [24, 25].

Н.Н. Поппе, указывая на монгольское происхождение якутского деепричастия на *-aam*, отмечал, что в связи с заимствованным характером аффикса язык не успел окончательно образовать отрицательную форму данного деепричастия [24, с. 64].

По-мнению же В. Радлова, аффикс *-aam* якутского языка не имеет ничего общего с аффиксом *-gach*, так как, общетюркский *-ç* в якутском соответствует *-s*, а не *-t* [26, с. 480]. Подобного мнения придерживается также и Г. Рамстедт [9, с. 107-108].

В сущности, в монгольских языках существует деепричастие, именуемое разделительным. В бурятском языке разделительное деепричастие также образуется посредством аффикса на *-aad* (*-оод*, *-өөд*, *-ээд*) и т.д. [27, с.127].

Рассматриваемые деепричастные формы в монгольских языках семантически обозначают действие, предшествовавшее действию основного глагола. С якутским деепричастием на *-aam*, как видим, полного совпадения не наблюдается, но прослеживается некоторая семантическая близость.

Якутский язык долгое время контактировал с монгольскими языками, вследствие чего большинство фонетических, лексических и грамматических признаков этих языков перешли в него. С этой точки зрения вполне реально монгольское происхождение якутского деепричастного аффикса на *-aam*.

Однако Е.И.Убрятова трактует происхождение якутского аффикса на *-aam* различным способом. Так, Е.И. Убрятова связывает это деепричастие с тюркской деепричастной формой на *-gach/-геч*.

В этой связи, примечательно следующее высказывание Е.И. Убрятовой: «Фонетически такое сопоставление вполне оправдано. В якутском языке имеются и другие аффиксы: с начальным *б*, которое выпало и дало долгий гласный (ср., например, аффиксы *-бах*, *ээх*), конечное *-с* аффиксов,

**2nd the International scientific-practical conference
«Innovation in science, technology
and the integration of knowledge» 2015**

образовавшееся из *-ш, -з, -ч*, во многих случаях перешло в *-т* (*-быт* из *-мыш, -бат* из *-маз, -быт* из *-быз* и т.д.)» [28, с. 44].

По-мнению Е.И.Убрятовой, общность якутского деепри- частия на *-аат* и тюркского деепричастия на *-гач* подтверждается их способностью принимать падежные аффиксы [там же, 43-44].

Так, якутское деепричастие на *-аат* принимает аффикс родительного падежа, сочетаясь при этом с послелогом *кытта* (*кытары*).

В некоторых тюркских языках, в их диалектах и говорах деепричастие на *-гач/-геч* также принимает падежные аффиксы.

К примеру, в мишарском диалекте татарского языка рассматриваемая деепричастная форма сочетается с аффиксами исходного падежа *тан/-тән, -тын/-тен, -нан/-нән* и частицей *-ук/-үк*. Например: *Карабодай элгергәүтән, бал булырга тийеш – Мед должен появиться, когда поспеет гречиха* и т.д. [12, с. 184].

В современном башкирском языке деепричастие на *-гас* также принимает аффиксы исходного падежа: *уйлагастан – подумав, кургәстән – увидев* и т.д.

Подобное наблюдается и в тувинском языке. Так, в тувинском языке рассматриваемая форма сочетается не только с аффиксами исходного, но и местного падежей: *келгеш – придя, келгеште, келгештен* и т.д.

Данная форма, по-мнению Н.К.Дмитриева «...очевидно, сохранилась от той эпохи, когда деепричастие еще могло склоняться, т.е. не окончательно превратилось в отглагольное наречие» [29, с.186].

Как справедливо отмечает Э.Р. Тенишев: «...Тунгусский суф. *-ksa~-kso~-kse*, который выражает то же самое, является как бы промежуточной формой, особенно если предположить, что *-ksa* мог иметь вариант *-*kas*». Далее он отмечает: «... Не менее часты явления чередования в исходе слова согласного *č* с *s* в тюркских языках и *t* с *s* – монгольских. Таким образом, все наз- ванные суффиксы (тюрк. *-qač*, монг. *-Yad*, як. *-a:t*, тунг. *-ksa*), вероятно, могут быть включены в состав одной группы» [26, с. 480-481].

**2nd the International scientific-practical conference
«Innovation in science, technology
and the integration of knowledge» 2015**

Подобно другим тюркским языкам, в якутском языке форма на *-aam* обозначает действие, предшествующее действию основного глагола: *бараам – как только ушел* [28, с. 44].

В отличие от тюркских языков, в якутском языке деепричастие на *-aam* не имеет отрицательного аспекта.

Сравнительный анализ якутского деепричастия на *-aam*, тюркского на *-gach* и монгольского на *-aad* показывает, что эти аффиксы семантически не совпадают полностью. Так, доминирующим значением формы на *-gach* в тюркских языках является обозначение предшествования данного действия другому. Однако, деепричастие на *-gach*, сочетаясь с усилительной частицей *-ma/-mэ*, передает значение, семантически близкое к якутской деепричастной форме на *-aam*. В данном случае форма на *-gach* передает действие, вслед за которым сразу же следует действие, выраженное основным глаголом.

Относительно монгольского деепричастия на *-aad* отметим, что оно выражает общее предшествование основному действию, без оттенка быстротечности, который характерен для формы на *-aam* в якутском языке.

Рассмотрим пример: *Муур удаад дьэжээ – кошка ушла, насытившись* [30, с. 64].

Подводя некоторые итоги рассмотрения различных, часто противоположных точек зрения на проблему этимологии деепричастной формы *-gach/-gеч*, обладающей сходными и отличительными фонетическими, морфологическими и синтаксическими особенностями, можно отметить, что исследуемая форма в тюркских языках, в их диалектах и говорах встречается преимущественно в тюркских языках кыпчакской, карлукской и уйгуро-огузской групп. В огузской группе тюркских языков и в языке орхоно-енисейских памятников деепричастие на *-gach/-gеч* не зарегистрировано.

Материалы рассмотренных нами тюркских языков показывают, что деепричастие на *-gach/-gеч* характеризует действие во временном, причинно-следственном отношении, а также действие, предшествующее действию основного глагола, а также принимают аффиксы исходного и местного падежей. В якутском языке, в отличие от других тюркских языков, исследуемая деепричастная форма принимает аффиксы родительного падежа.

**2nd the International scientific-practical conference
«Innovation in science, technology
and the integration of knowledge» 2015**

Почти во всех рассматриваемых тюркских языках деепричастная форма на *-гач/-геч* выступает в различных фонетических вариантах (*-каш/-гаш, кас/-кэс, -гас/-гэс, -гац/-гэц/-кац/-кэц, -гъачох/-гъячох/-качох/-кячох* и др.).

References

- [1] Serebrennikov B.A., Hajiyeva N.H. Comparative-historical grammar of the Turkic languages. - M.; Nauka, 1986. - 285 p.
- [2] Tumasheva D. Tatar verb: (Experience of functional-semantic research of grammatical categories): textbook. – Kazan; Publishing house of Kazan University, 1986. - 189 p.
- [3] Khisamova F.M. Morphology of Tatar language. – Kazan; Magarif, 2006. - 335 p.
- [4] Yusupov F.Y. The morphology of the Tatar dialect language: category of the verb. – Kazan; Fen, 2004. - 592 p.
- [5] Aliyev V. Non-finite forms of the verb in the Azerbaijani language: языке: Author's Abstract of Candidate Dissertation in philology/ Baku, 1989. - 57 p.
- [6] Meshadiyeva A.E. Structural-semantic and syntactic features of adverbial participle forms ending in *-dikça⁴* in modern Turkic languages/ A.E. Meshadiyeva // Proceedings of the Irkutsk State Linguistic University. No.2 (23). Irkutsk, 2013. - p.161-168.
- [7] Meshadiyeva A.E. On adverbial participle form *-gali/-geli* in Turkic languages/ A.E. Meshadiyeva // Bulletin of Pyatigorsk State Linguistic University. No.1. Pyatigorsk, 2014. - p.71-75.
- [8] Khasanova L.M. System adverbial participle forms of the verb in the Bashkir language: Author's Abstract of Candidate Dissertation in philology/ Ufa, 2010. - 21 p.
- [9] Ramstedt G. J. Über die konjugation des Khalkha-Mongolischen. - MSFO, Suomalaie-ugrilaisen Seuran toimituksia XIX. - Memoires de la Soaibte Finno-ougrienne XIX. – Helsinki; Osnabrock Otto Zeller, 1968 - 126 p.
- [10] Kononov A. N. Grammar of modern Uzbek literary language. - M-L.; Academy of Sciences of SSSR Ed., 1960. - 446 p.

**2nd the International scientific-practical conference
«Innovation in science, technology
and the integration of knowledge» 2015**

- [11] Tatar grammar. Morphology I. II. - Moscow; Tatar book publishing house, 1993. - 397 p.
- [12] Makhmutova L.T. The experience of the study of the Turkic dialects (Mishar dialect of the Tatar language). - Moscow; Nauka, 1978. - 271 p.
- [13] Tumasheva D.G. The Language of the Siberian Tatars. P. 2. – Kazan; Publishing house of Kazan University, 1968. - 182 p.
- [14] Najip E.N. Modern Uyghur language. - Moscow; Oriental literature Publishing house, 1960. - 133 p.
- [15] Tenishev E.R., Todayeva B.Kh. The Language of Yellow Uygurs. - Moscow; Nauka, 1966. - 84 p.
- [16] Askarova M. Adverbial participle in modern Uzbek language/ M. Askarova // Proceedings of the Tashkent State Pedagogical Institute named after Nizami. Vol.2. Tashkent; The State educational publishing house of UzSSR, 1954. - p.16-28
- [17] Matgazyiev A. Study on the morphology of old Uzbek language (the end of XVIII-until the seventies of the XIX century): Author's Abstract of Candidate Dissertation in philology/ Tashkent, 1979. - 41 p.
- [18] Abdullina G.R. Category of the non-finite forms of the verb Bashkir language // Science journal of Tomsk State University. No. 321. Tomsk, April, 2009. - p. 7-13
- [19] Maksyutova N. Kh. The Eastern dialect of the Bashkir language (in comparative-historical interpretation). – Moscow; Nauka, 1976. - 292 p.
- [20] Musaev K.M. A brief grammatical essay of the Karaim language. – Moscow; "Nauka", 1977. - 100 p.
- [21] Biryukovich R.M. Morphology of Chulym Turkic language. P. II. Saratov; Publishing house of Saratov University, 1981. - 184 p.
- [22] Rassadin V.I. Morphology of Tofalar language in a comparative light. – Moscow; Nauka, 1978. - 287 p.
- [23] [23]. Rassadin V.I. Tofalar language and its place in the system of the Turkic languages. - Elista: Publishing house of the Kalmyk University, 2014. - 218 p.
- [24] Poppe N. N. Learning grammar of the Yakut language. – Moscow; Central publishing house of peoples of the USSR, 1926. - 120 p.

**2nd the International scientific-practical conference
«Innovation in science, technology
and the integration of knowledge» 2015**

- [25] Kotwicz V. Research on Altaic languages. – Moscow; Publishing house of foreign literature, 1962. – 373 p.
- [26] Comparative-historical grammar of the Turkic languages. Morphology. – Moscow; Nauka, 1988. - 558 p.
- [27] Poppe N. N. The grammar of written Mongolian language. – M. -L.; Publishing house of the USSR Academy of Sciences, 1937. - 198 p.
- [28] Ubryatova E.I. Studies on the syntax of the Yakut language. P. II. - Novosibirsk; Nauka, 1976. - 214 p.
- [29] [Dmitriev N.K. Grammar of Bashkir language. - M.-L.; Publishing house of the Academy of Sciences of the USSR, 1948. - 276 p.
- [30] Korkina E.I. Adverbial participles in the Yakut language. - Novosibirsk; Nauka, 1985. - 204 p.